

ОТЗЫВ

**официального оппонента о работе Нуриевой Ирины Муртазовны
«Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика
жанрообразования и функционирования»,
представленной на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17 00 02 – музыкальное искусство**

Удмурты – один из крупных (более чем полумиллионных) народов¹, имеющих национальную государственность в рамках современного федеративного устройства России. Их музыкальные традиции самобытны и богаты разнообразными формами и межкультурными связями. Удмуртское этномузыковедение, развивавшееся в течение XX века достаточно медленно, в последние два десятилетия делает большие успехи. Ведется большая экспедиционная работа, появляются научные публикации. Только в академической серии «Удмуртский фольклор», начатой в 1990-е гг., вышло не менее 6 томов, составленных И.М. Нуриевой (ей принадлежат два тома общим объемом более 60 п. л.), Р.А. Чураковой, Е.Б. Бойковой, Т.Г. Владыкиной, М.Г. Ходыревой, Л.Н. Долгановой, С.В. Стародубцевой. Работу музыковедов-фольклористов поддерживает успешное развитие археологии и этнологии в Удмуртии. Замечу, что монография И.М. Нуриевой «Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления» (1999) глубиной анализа выделяется среди научных публикаций не только в Удмуртии, но и в Волго -Уральском регионе, о чем мне уже приходилось высказываться в рецензии, опубликованной в 2002 г.

Однако целостное научное описание основных особенностей музыкальной культуры удмуртов и позиционирование ее в региональном контексте до сих пор существовало только в виде сравнительно небольших очерков – статьи Е.В. Гиппиуса и З.В. Эвальд «К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни» (1941) и предисловия И.К. Травиной к ее сборнику «Удмуртские народные песни» (1964). Таким образом, к настоящему времени назрела необходимость теоретических обобщений. Эту задачу поставила перед собой в защищаемой диссертации И.М. Нуриева. Основной целью ее исследования заявлено «воссоздание

---

¹ Переписью 1989 года было зафиксировано более 715 тыс. удмуртов.

целостной картины удмуртской музыкально-песенной традиции как исторического и культурного феномена» [:53]. Аспект жанрообразования и функционирования традиционной музыки, выделенный в подзаголовке, фундаментально важен для понимания свойств всей культуры.

Таким образом, тема, избранная для исследования И.М. Нуриевой, вне всякого сомнения, *актуальна*. Столь же несомненна и *новизна* рецензируемой работы. Она обусловлена, с одной стороны, включением в поле зрения современной науки большого числа материалов, в том числе собранных самой диссертанткой в многочисленных экспедициях на протяжении тридцати лет, как опубликованных, так и рукописных, охватывающих все основные локальные традиции музыкального фольклора удмуртов. Благодаря охвату столь обширного корпуса источников И.М. Нуриевой удастся осуществить «первый опыт осмысления удмуртской песенной традиции как динамично развивающейся целостной системы в историческом, региональном и культурном контекстах» [:57] – этот тезис автора представляется обоснованным и объективным.

Еще более важны с точки зрения как новизны, так и теоретического уровня исследования его методологические основы. В частности, это метод *исторической реконструкции* и *системный подход*, обусловленный комплексным междисциплинарным характером работы с привлечением методов смежных наук: истории, этнографии, лингвистики, фольклористики.

Так, учитывая принадлежность удмуртского языка к пермской группе финно-угорской семьи языков, автор оперирует понятиями «финно-угорская музыка», «финно-угорская музыкальная культура», «финно-угорское музыкальное мышление» [:3, 49, 342]. При этом И.М. Нуриева обращает внимание на то, что «руководствуясь теорией лингвистического родства, следовало ожидать таких же тесных параллелей и в области народно-песенного искусства [удмуртов и коми. – М.К.]. Однако жанровые и стилевые доминанты в каждой из этих песенных культур разные» [:126]. Тем самым автор выходит за рамки лингвистических группировок, не совпадающих с этнокультурными². В частности, в этом кроется объяснение известного противоречия между единством языка, на котором базируется этническая общность удмуртов, и двойственностью этнической культуры удмуртов с точки зрения *музыкальных традиций*, всегда отмечающейся исследователями.

---

² Парадигма принадлежности удмуртского языка к финно-угорской семье языков иногда довлеет над другими народоведческими дисциплинами, отождествляющими лингвистическое родство с этногенетическим. Это можно заметить и в некоторых формулировках И.М. Нуриевой. Реально же материал ведет ее к формированию своей – этнокультурной – парадигмы.

Так ее рассматривает и автор диссертации. В одной из своих работ И.М. Нуриева пишет, что, «пожалуй, только удмуртская песенная культура в Поволжье имеет такой широкий стилевой спектр»³. Известно, что удмуртская культура представляет собой, с одной стороны, северную окраину музыкальной цивилизации, сложившейся в последнюю тысячу лет на Поволжско-Приуральской территории, и, с другой стороны, южную окраину северной музыкальной метакультуры, простирающейся через западное Приуралье и Сибирь. Очевидны этнокультурные параллели (в частности, в интонационной сфере) удмуртов с представителями *ямало-таймырской историко-этнографической области*, т.е. коми и их северными соседями ненцами, и, далее, с обскими уграми и самодийцами, представляющими уже *западносибирскую ИЭО*. Такое сочетание уникально. Оно обусловило и сложность этномузыковедческой проблемы, решаемой И.М. Нуриевой. Таким образом, многие положения работы Нуриевой выведены благодаря использованию категорий так называемого *цивилизационного подхода* [:56].

В отличие от многих предшественников, основное внимание И.М. Нуриева уделяет теоретическому осмыслению североудмуртской традиции⁴. В диссертации говорится: «Анализ исполнительского контекста, звукоид еала и отражающей его народной терминологии позволил выйти на более высокий уровень обобщения и признать в удмуртской песенной традиции черты “плачевой культуры”, что, в свою очередь, сближает ее с песенными этническими традициями Европейского Севера» [:58]. Главный вывод сформулирован в заключении: «Углубленный анализ североудмуртского песенного искусства показал, что ответ следует искать именно в этой традиции. На севере Удмуртии, при постоянно обновляющемся интонационном словаре, сохранился архаический тип формотворчества, воплотившийся в бестекстовых импровизациях-крезях. Импровизация до настоящего времени занимает центральное положение в традиции, что предопределило, на наш взгляд, особенности местной жанровой системы. В первую очередь, к ним относится отсутствие четких жанровых границ и ясного терминологического аппарата» [:340]. Так И.М. Нуриева приходит к

---

³ Нуриева И.М. Удмуртские песни в записи Ласло Викара // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Сборник научных трудов. - Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2002. С. 318.

⁴ Именно ей столетие назад этнографы отказывали в самом существовании собственно песен. «Это мнение становится расхожим и в дилетантском сборе материала в 20–30-е гг. XX столетия», – пишет современный фольклорист (Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: монография. Ижевск: УдмИИЯЛ УРО РАН, 1998. С. 19). Столь наивное представление благодаря современным данным о творчестве северных удмуртов ушло в прошлое.

выводу о типологических параллелях с культурами народов Сибири, в которых, по словам их исследователя Ю.И. Шейкина, архаический жанр определяется скорее как процесс, нежели результат. Масштабность этого вывода ведет автора далее – к предложению изменить представление о двух цивилизационных центрах на территории Евразии (по И.И. Земцовскому). «На наш взгляд, – читаем на страницах диссертации, – ...картина остается неполной, если не принять во внимание еще один цивилизационный центр, связанный с миром лесных культур, который занимал в Евразии эпохи раннего железа огромный ареал – от северо-восточной и восточной Европы до западной Сибири...Территория Прикамья и Приуралья также входила в этот мир лесных культур» [:6-7]. Проникновение в сложную музыкально-поэтическую систему удмуртов, осуществленное И.М. Нуриевой на большом материале, несомненно, дает основания для подобных суждений и заслуживает внимания этнологии и культурологии.

Впервые в удмуртском этномузыкознании выходя на такие обобщения, и преодолевая естественно возникающие при этом методологические трудности, диссертантка сетует: «Результатам лингвистических исследований можно только позавидовать. В этномузыковедении еще не сложился подобный методологический аппарат, способный идентифицировать иноэтнические наслоения...» [:333]. Поддерживая глубокое уважение к достижениям коллег-лингвистов, хочу, вместе с тем, предложить несколько смягчить категоричность утверждения об *отсутствии необходимого методологического аппарата у музыковедов*.

Чтобы дойти до убеждения, что североудмуртская традиция оказалась «своеобразным “ключом” для понимания особенностей традиционного музыкального мышления удмуртов в целом» [:57], автору диссертации пришлось «снимать археологические напластования с напевов» (выражение Б.В. Асафьева). «...Очевидно, – говорит она, – что удмуртская музыка в диахронном срезе представляет собой сплав двух отчетливо граничащих культурных слоев: раннетрадиционного, связанного с обрядовой практикой и внеобрядовыми импровизациями, и относительно позднего, интонационные истоки которого следует искать в песенных культурах соседних народов, в основном, русских и татар⁵. Но если поздние пласты легко улавливаются и мгновенно идентифицируются, то стилевая стратификация архаического пласта не всегда оказывается возможной, обнаруживая ряд известных

---

⁵ Добавлю: и чувашей. По проблеме существенности чувашских музыкально-фольклорных параллелей с удмуртами мне уже приходилось выступать и публиковать статьи в Таллине и Чебоксарах (1989, 1990). К сожалению, они не включены в библиографию диссертации. – М.К.

трудностей, связанных, в первую очередь, с отсутствием сравнительного материала для исторических исследований» [:333-334].

Тем самым, во-первых, объективно подтверждается наличие в региональном музыкознании научно-аналитического аппарата, который, как пишет сама И.М. Нуриева, позволяет «выявить в устных традициях Волго-Камского полиэтнического локуса “музыкальные универсалии единого формульного пласта” и обозначить музыкальное пространство региона как “Волго-Уральскую музыкальную цивилизацию”» [:3-4]. Попутно отметим в цитированном в предыдущем абзаце месте лексическое противоречие с четвертой главой диссертации, где рассматривается «поздний песенный пласт», представленный частушками, плясовыми, хороводно-игровыми песнями, уличными *урам гур* и т.п. В данном случае не оговорен иной смысл дважды использованного слова «поздний» (пласт, слой песенности) по отношению к обрядовым формульным песням, истоки которых также восходят к культурам соседних народов.

Во-вторых, вскрытие параллелей «не только с родственными финно-угорскими культурами, но и с культурами народов Сибири, близкими или отдаленными в этногенетическом отношении (ср. с обрядами поклонения общим и родовым покровителям-предкам хантов, с родовыми молениями гор алтайцев, шорцев)» [:106] подводит к необходимости дальнейшего расширения методологической базы исследования удмуртской культуры. В частности, имею в виду опыт новосибирской этномузыковедческой школы, успешно изучающей устное творчество народов Сибири на основе концепции так называемой «интонационной культуры этноса», разработанной в 1980-е гг. применительно к их типологическим (цивилизационным) особенностям⁶. Было бы уместно и целесообразно, например, использовать интегрирующее понятие *интонационная культура этноса* наряду или вместо множества описательных понятий, разбросанных по тексту диссертации: *культурный звуковой ландшафт, промысловое (лесное) пение, звуковое поведение, акустический код, звуковой культурный ландшафт, музыкальный контекст молений,*

---

⁶ См., например: Шейкин Ю.И., Цеханский В.М., Мазепус В.В. Интонационная культура этноса (опыт системного рассмотрения) // Культура народностей Севера: Традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 235-247. На этой основе осуществлены десятки исследований «интонационных культур» народов Сибири. Весьма ценны этномузыковедческие статьи, публикуемые в песенных томах 60-томной серии Сибирского отделения РАН «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». На этой же основе написано сводное исследование «Музыкальная культура Сибири» (в 3 т., 6-ти кн.; Новосибирск, 1997). Эти источники отсутствуют в списке литературы.

напевное произнесение молитв, «литаническая» песенность, допесенное и песенное интонирование.

В трудах сибирских авторов сформулированы также положения об особой роли тембрики в интонационных культурах и разработана уникальная аналитическая методика классификации и нотации тембров⁷. Об этом вспоминается, когда читаешь в диссертации, что «тембр обрядовых песен в удмуртской песенной традиции является одним из важнейших отличительных музыкально-стилевых средств ритуального пения» [:82]. С сибирскими культурами коррелирует и гипотеза о существовании отдельных форм эпоса («ранних», «неклассических») в удмуртской традиции, многократно обсуждаемая в диссертации на с. 58, 316, 320, 321-330 и в заключении. Типологически сходятся и общие свойства музыкальных систем удмуртов (подробно анализируемых в диссертации) и сибирских культур: в том числе узкообъемные лады, строфические структуры с преобладанием свободных (тирадных и однострочных) форм, ритмика так называемого (по М.Г. Харлапу) *интонационного* типа. В связи с последней хотелось бы услышать комментарии автора к типологии ритмики удмуртских обрядовых песен, еще Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд определенной как *квантитативной*⁸.

***

И.М. Нуриева – безусловный лидер современного этномузыковедения Удмуртии. Ее идеи выношены на протяжении десятилетий. Перед нами – работа зрелого ученого, который поднимает проблематику одной культуры до регионального и, далее, до цивилизационного уровня. Возникающие при чтении диссертации «Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования» вопросы обусловлены именно масштабом проблематики, открывающей перспективу дальнейших исследований.

Считаю, что обсуждаемая диссертация И.М. Нуриевой, представленная на соискание ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17 00 02 – музыкальное искусство, является значительным вкладом в изучение культуры удмуртского народа, касающимся важных проблем современного этномузыковедения. Она насыщена обширным систематизированным

---

⁷ См.: *Мазенус В.В.* Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // *Фольклор: Комплексная текстология.* 1998. М.: Наследие, 1998. С. 24-51.

⁸ Думается, по этому вопросу было бы целесообразно обратиться к концепции М.Г. Харлапа, наиболее полно изложенной в монографии «Ритм и метр в музыке устной традиции» (1986).

материалом, который позволил успешно решить поставленные в исследовании задачи, написана выразительным языком. Автореферат и опубликованные автором работы (более полусотни публикаций, выходящих на протяжении более двух десятилетий, в том числе монографии и сборники народных песен) адекватно отражают основное содержание исследования. Защищаемый научный труд по актуальности проблематики, содержанию и форме отвечает требованиям ВАК Российской Федерации, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора искусствоведения (специальность 17 00 02 – музыкальное искусство), а его автор Нуриева Ирина Муртазовна заслуживает присвоения ученой степени доктора искусствоведения.

12 января 2015 г.

Кондратьев Михаил Григорьевич,
доктор искусствоведения, профессор,
заслуженный деятель искусств РФ и ЧР,
руководитель направления искусствоведения–
главный научный сотрудник

Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Подпись <u>Кондратьев М.Г.</u> заверяю:
<u>профессор</u>
<small>должность</small>
Чувашского государственного института
гуманитарных наук
<u>И.В. Нуриева</u>